

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР и нарком иностранных дел СССР В.Молотов подписывает советско-германский Договор о ненападении 23 сентября 1939.

УДК 327:355.48

В.А.Золотарёв

А.С.Орлов

Золотарёв В.А.*,
Орлов А.С.**

«Геополитические изменения структурного порядка»¹: о разграничении «сфер интересов» СССР и Третьего рейха в Восточной Европе и на Балканах (1939–1941)

^{*}Золотарёв Владимир Антонович, доктор исторических наук, доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса, председатель Комиссии при Президенте Российской Федерации по военнопленным, интернированным и без вести пропавшим, Президент Международной академии наук о природе и обществе, академик-председатель Секции «Природа, общество и геомилитаризм» РАЕН, вице-президент РАЕН, генерал-майор запаса.

E-mail: zolotarev.va@yandex.ru

^{**}Орлов Александр Семёнович, доктор исторических наук. Ведущий научный сотрудник Института военной истории Генерального штаба РФ, академик РАЕН.

Статья посвящена истории дипломатического противостояния СССР и Третьего рейха после заключения пакта Молотова – Риббентропа. Рассматриваются вопросы формирования советской и

¹ Из доклада Рузвельта своему кабинету о своих переговорах от 29 сентября 1937 г. со специальным представителем правительства Франции Рэнсименом: «Если произойдет вооруженный конфликт между демократиями и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции и ... сохранит свой нейтралитет до того как начнутся геополитические изменения структурного порядка» (Цит. по: Документы и материалы второй мировой войны. 1937–1939. М., 1981. Т. 1. С. 59).

германской «сфер влияния» на геополитическом пространстве между Советским Союзом и гитлеровской Германией: присоединение к СССР Западной Украины, Западной Белоруссии, республик Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины, расширение Тройственного пакта, а также дипломатическое противоборство СССР и Германии на Балканах.

Ключевые слова: договор между СССР и Германии о ненападении, секретные протоколы, разграничение «сфер интересов», Западная Украина, Западная Белоруссия, республики Прибалтики, Бессарабия, Северная Буковина, присоединение к СССР, Тройственный пакт, балканская политика Сталина 1941 г.

В некоторых публикациях последних лет проводится мысль о том, что посредством советско-германского Договора о ненападении и секретного протокола от 23 августа 1939 г. Сталин и Гитлер «полюбовно» поделили между собой ряд государств, и «медовый месяц» дружбы двух диктаторов продолжался до тех пор, пока Гитлер «вероломно» не напал на СССР. Но это лишь часть правды. В реальной же политике дело обстояло далеко не так. Дипломатические улыбки маскировали жесткое противоборство за выигрыш времени и пространства перед неминуемой схваткой между СССР и Германией.

Анализ совокупности фактов и событий, происходивших в Восточной Европе в 1939–1941 гг., если их рассматривать диалектически, в контексте изменений международной обстановки, свидетельствует о том, что при всей приверженности сталинской внешней политики силовым методам на крутых поворотах истории, при свойственном Сталину имперском мышлении эта политика не была статичной, раз и навсегда определенной. Она находилась в динамике, которую диктовали внешние условия, порожденные развернувшейся в Европе войной. Стратегические соображения, стремление укрепить свои границы, обзавестись союзниками, территории которых можно использовать в случае, если война затронет Советский Союз, были первостепенными в действиях советского руководства.

Документы раскрывают сложную картину эволюции отношений СССР со своими соседями перед началом и в ходе развернувшейся Второй мировой войны. Определяющим фактором здесь были, конечно, отношения между СССР и Германией. Только после Мюнхенского сговора, похоронившего политику коллективной безопасности, после провала попыток организовать вместе с Англией и Францией систему коллективной защиты от агрессора в условиях стремительно надвигавшейся войны Германии против Польши (причем в непосредственной близости от границ Советского Союза), войны с труднопредсказуемыми последствиями, Советское правительство приняло предложение Германии заключить пакт о ненападении.

На наш взгляд, политический курс Сталина – Молотова в отношении гитлеровской Германии прошел четыре этапа:

- первый – от заключения пакта о ненападении 23 августа до конца сентября 1939 г.;
- второй – с октября 1939 г. до лета 1940 г.;
- третий – с середины лета 1940 г. до апреля 1941 г.;
- четвертый – с апреля до 22 июня 1941 г.

Договор между СССР и Германией о ненападении (без секретного протокола), с точки зрения международного права, был вполне законным, действительным и правомерным. Он был опубликован, прошел ратификацию, был признан другими государствами и международными организациями и утратил силу 22 июня 1941 г.

Что касается секретных дополнительных протоколов (от 23 августа и 28 сентября), то они были незаконными, недействительными и неправомерными. Их аморальность и несоответствие международному праву осуждены мировой общественностью.

Однако когда говорят, что эти протоколы предопределили (и даже предусматривали) раздел Польши, присоединение Бессарабии, Буковины и прибалтийских государств к СССР, то это не соответствует исторической правде. Когда подписывался секретный протокол от 23 августа 1939 г., советско-германские отношения ха-

«Правда» от 29 сентября 1939 г. с текстом советско-германского Договора о дружбе и границе

рактизовались неопределенностью, и было еще совершенное не ясно, как они будут развиваться. Каковы будут последствия нападения Германии на Польшу, можно было только гадать. Но Советский Союз должен был четко знать свою позицию к тому времени, как это случится, иначе он мог оказаться втянутым в войну, угроза которой нависала над Европой. Германия же предлагала ему заключить немедленно соглашение, которое давало СССР возможность оставаться в стороне от приближающегося шторма. Советский Союз принял основополагающее решение: предпочел нейтралитет и свободу действия, чтобы обезопасить свои национальные интересы надежнее, чем зыбким альянсом с Западом, альянсом, перспективы которого без конкретных обязательств сторон выглядели весьма неопределенно.

Некоторые историки связывают подписание советско-германского пакта с решением Гитлера напасть на Польшу. Однако это решение, как известно, было принято еще в марте 1939 г., когда Германия потребовала от Польши передать ей Данциг, предоставить автостраду и железную дорогу, перерезающие «польский коридор». С отказом Польши возник германо-польский конфликт, которому суждено было сыграть роковую роль в политическом кризисе 1939 г. 11 апреля Гитлер утвердил план операции «Вайс» – готовности вермахта к нападению на Польшу не позднее 1 сентября. 23 мая он подтвердил свое решение на совещании генералитета, отметив: «Не исключено, что германо-польский конфликт приведет к войне с Западом, тогда на первом месте будет борьба против Англии и Франции...». Касаясь оценки возможного объединения с последними СССР, фюрер заявил, что это «заставит меня напасть на Англию и Францию и нанести им несколько всеограшающих ударов»¹. 15 июня была утверждена директива о стратегическом развертывании сухопутных войск вермахта и, как видно по дневнику начальника немецкого генштаба Ф. Гальдера, оперативные планы в августе не пересматривались.

Это подтвердилось и действиями. Первые 8 дивизий вермахта были выдвинуты к польской границе еще в июне 1939 г. Под предлогом участия в маневрах в средней Германии и Восточной Пруссии сосредоточились танковые и моторизованные соединения. 16 августа в Восточной Пруссии, а 25 августа по всей Германии развернулась общая мобилизация. 19–22 августа корабли ВМФ получили приказ выйти на боевые позиции в Атлантический океан, чтобы успеть до начала войны проскочить Балтийские проливы. Таким образом, вопрос о войне против Польши был решен еще в апреле.

Нередко утверждают, что все это было блефом, рассчитанным на запугивание Польши и западных демократий. Безусловно, было и это. Но были и другие весьма существенные факторы, которые оказывали влияние на решения руководства Третьего рейха. На совещании с генералами 22 августа 1939 г. Гитлер говорил: «Нам терять нечего. Мы можем только выиграть. Наше экономическое положение таково, что мы сможем продержаться лишь несколько лет... У нас нет выбора, мы должны только действовать»². Действительно, милитаризованная экономика Третьего рейха, ориентированная на захватнические войны, не могла долго быть эффективной в условиях мирного времени. Как писал бывший генерал-майор вермахта Б. Мюллер-Гиллебранд, «расходы на военные нужды в 1939 г. пришли в такое несоответствие с запросами народного хозяйства, что военная экономика должна была вестись за счет выпуска новых денег, вследствие чего финансовая, а с ней и экономическая катастрофа становилась совершенно неизбежной. Создавалось такое положение, из которого только «прыжок в войну» мог считаться единственным спасением»³. В то же время Германия после захвата Австрии и особенно Чехословакии резко усилилась в военном и военно-промышленном отношении, поскольку Чехословакия была крупнейшим экспортером оружия до 1938 г. (40% мирового экспорта вооружения)⁴. После захвата Австрии и Чехословакии население Германии увеличилось на 10 млн. человек и составило 79 млн. (для сравнения: Франция в этот же период насчитывала 39 млн., Англия – 46 млн.), что существенно увеличивало ее мобилизационный потенциал. Количество дивизий по сравнению с 1938 г. возросло с 51 до 102, танков – с 720 до 3195, самолетов – с 2500 до 4093⁵. Германия имела хорошо разработанную военную теорию блицкрига. Значительная часть населения, особенно молодежь, поддерживала фашистский режим.

Но все эти преимущества были временными, пока вероятные противники – Англия, Франция, СССР – не развернули свои огромные экономические потенциалы. Поэтому именно в 1939 г., когда вермахт стал сильнейшей армией в Европе, Гитлер спешил реализовать его преимущества в молниеносной войне против Польши, которая была слабее в военном отношении. Он считал «очень вероятным», что Англия и Франция не примут участия в войне, но полагал, что некоторый риск все же есть. Что касается Советского Союза, то Гитлер был уверен, что СССР не выступит в одиночку в защиту враждебно к нему относящейся буржуазной Польши. «Россия, – говорил он на совещании генералов 14 августа, – ни в коей мере не расположена таскать каштаны из огня»⁶.

Уже после начала войны 3 сентября он писал Муссолини: «...Польская армия будет разбита в кратчайшие сроки. Я сомневаюсь, что можно было бы добиться такого успеха через год или два. Англия и Франция продолжали бы вооружать своего союзника, и решающее техническое превосходство вермахта не было бы столь очевидным, как сейчас»⁷.

¹ Documents on German Foreign Policy (DGFP) 1919–1945. Ser. D. London, 1952. Vol. VI. P. 574–580.

² DGFP. Ser. D. Vol. VII. P. 557–559.

³ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 1956. Т. 1. С. 162.

⁴ Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне. М., 1972. С. 216.

⁵ История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1974. Т. 2. С. 375–378.

⁶ Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М., 1991. Т. 1. С. 548–549.

⁷ DGFP. Ser. D. Vol. VII. P. 538–539.

Таким образом, план нападения Германии на Польшу был разработан, утвержден и приведен в действие вне связи с советско-германским договором о ненападении. Война была для германского руководства делом решенным. Оно отказывалось от своих планов не собиралось. Когда в ходе беседы с И.Риббентропом 11 августа 1939 г. министр иностранных дел Г.Чиаго спросил его: «Что же вам нужно – Данциг или коридор?», – тот ответил: «Ни то, ни другое. Нам нужна война»¹.

О планах Гитлера в отношении Польши было хорошо известно и в столицах западных держав, и в Москве, однако предугадать, как будут развиваться события, особенно в отношении сопредельных с СССР государствах, в случае войны в Европе, было трудно.

Как свидетельствуют документы, тексты Пакта о ненападении, секретного дополнительного протокола и переговоры в Москве 23–24 августа 1939 г. не определили конкретного характера будущих отношений со странами Восточной Европы. В Договоре о ненападении никаких конкретных упоминаний о каких-либо государствах вообще нет. Что касается секретного протокола, то в нем говорилось о «разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе». О каких «интересах» шла речь: Германия еще весной 1939 г. приняла решение о нападении на Польшу, чем и были определены ее интересы; в свою очередь Советский Союз был жизненно заинтересован в том, чтобы германские войска остановились по возможности дальше от советских границ. Это и было отражено в протоколе: Германия получала гарантию невмешательства СССР в ее войну против Польши, а СССР получал гарантии в отношении прибалтийских республик и ограничивал продвижение Германии на Восток пределами Западной Польши.

Однако в момент подписания секретного протокола сталинское руководство еще не имело четкого курса своей внешней политики в Восточной Европе: было еще очень не ясно, какую форму примут советско-германские отношения. Известно, что при обсуждении проекта договора, составленного в Берлине, Сталин вычеркнул предложенную германской стороной преамбулу, где говорилось об установлении дружественных советско-германских отношений, заявив при этом: «Не кажется ли Вам, что мы должны больше считаться с общественным мнением в наших странах? Годами мы поливали грязью друг друга. И теперь вдруг все должно быть забыто, как будто и не существовало? Подобные вещи не проходят так быстро. Мы, – и я думаю, что это относится также к германскому правительству, – должны с большей осмотрительностью информировать наши народы о перемене, происшедшей в отношениях между нашими странами»². Риббентроп в своем меморандуме Гитлеру от 24 июня 1940 г., касаясь переговоров в Москве в августе 1939 г., пишет о «тогдашней неопределенности германо-русских отношений»³. Об этом же свидетельствует и телеграмма посла Германии в СССР графа Шуленбурга в Берлин от 25 августа с просьбой Молотова упомянуть в числе рубежных рек Писсу, так как «из-за большой поспешности, в которой составлялся секретный дополнительный протокол, в его текст вкралась одна неясность»⁴. Все это свидетельствует как о неопределенности видов на будущее, так и о недоверии к Германии и атмосфере поспешности, в которой заключался договор.

Неопределенность не исчезла и после нападения Германии на Польшу. С началом войны Сталин в своих планах и действиях исходил не столько из комплекса договоренностей, связанных с пактом от 23 августа, сколько из реального развития событий. Важнейшими факторами, оказавшими влияние на последующие решения советского руководства, были молниеносный разгром польской армии вермахтом и «странная война»⁵ на Западе (приведшая, в силу недалековидной политики и порочной стратегии союзников, к резкому усилению вермахта и позволившая ему успешно подготовиться к нападению на страны западной коалиции к весне 1940 г.).

Советский Союз, оставшись вне войны (при существенных морально-правовых издержках), сохранил нейтралитет, добился прекращения боевых действий на Дальнем Востоке и ограничил экспансию на восток, воссоединив западные области Украины и Белоруссии, отторгнутые Польшей в 1920 г. Это происходило в сложной, порой трудно предсказуемой обстановке, требовавшей, с одной стороны, быстрых и решительных мер, а с другой, соблюдения максимума осторожности.

Германия с первого дня войны начала активно подталкивать СССР к соучастию в военных действиях против Польши. Сразу же после вступления в войну Англии и Франции Риббентроп настойчиво стал предлагать СССР ввести советские войска на польскую территорию. Германские лидеры рассчитывали на

Фридрих-Вернер фон дер Шуленбург (1875–1944), немецкий дипломат, посол Германии в СССР (1934–1941). Участник заговора против А.Гитлера

¹ Ciano G. The Ciano Diaries 1939–1943. New York, 1946. P. 118–119.

² Фляйшхауэр И. Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939. Пер. с нем. М., 1991. С. 296.

³ Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP) 1918–1945. Ser. D. Baden-Baden, 1953. Bd. X. S. 9–10.

⁴ ADAP. Ser. D. Bd. VII. S. 247.

⁵ Здесь вместо ожидавшихся активных действий противоборствующих сторон боев, по существу, не велось. отобилизованные армии заняли позиции на границах, ничего конкретно не предпринимая. «Тишину на Западном фронте, – писал Черчилль, – нарушал лишь случайный пушечный выстрел или разведывательный патруль. Армии изумленно смотрели друг на друга из-за своих укреплений через никем не оспариваемую «ничейную землю» (Цит. по: Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 1. С. 247). С легкой руки французского журналиста Р.Доржелеса эта война стала называться «странной войной».

то, что западные державы в таком случае объявят войну Советскому Союзу, и он окажется втянутым в военные действия на стороне Германии и разделит с ней вину за развязывание войны. На предложение Риббентропа 3 сентября о желательном вводе советских войск в Восточную Польшу Молотов 5 сентября ответил, что это будет сделано в соответствующее время, которое «еще не наступило»¹. В то же время он напомнил Риббентропу о необходимости соблюдения немцами установленной демаркационной линии. На последующие запросы Риббентропа о «военных намерениях Советского правительства» Молотов отвечал, что «советские войска выступят «в течение ближайших нескольких дней»².

Польские беженцы. 1939 г.

Польша 1939. Проверка на соответствие стандартам «арийской расы»

Расстрелы в оккупированной Польше

ция фактически помощи Польше не оказали, что наводило на мысль о возможности новой сделки за счет СССР.

В этой обстановке срок вступления советских войск в Польшу определили два фактора: перемирие с Японией 15 сентября и потеря польским правительством управления страной, что создавало предлог для защиты от «хаоса» украинского и белорусского населения Польши. Только когда исчезла (хотя бы на время) угроза войны на два фронта и повод для западных держав объявить СССР войну, Сталин решил ввести войска в Польшу. Предварительные распоряжения были отданы еще в первые дни войны, когда ход развития событий еще не был ясен.

4 сентября приказом наркома обороны была задержано увольнение из армии лиц, отслуживших полные сроки. 6 сентября в СССР началась «скрытая мобилизация» военнообязанных. В боевую готовность были приведены

Тем временем обстановка все более драматизировалась. 15 сентября немцы взяли Люблин и вышли к Бресту. К этому времени управление страной и вооруженными силами со стороны польского правительства и военного командования было нарушено. Правительство Польши и главное командование армии покинули Варшаву и находились в юго-восточной части страны – в районе Кременец, Коломыя, Косов, в готовности в случае необходимости перейти румынскую границу. Страна была полностью дезорганизована; потоки беженцев и колонны войск двигались на восток и юго-восток. Армии вермахта, продолжая двигаться в восточном направлении, заняли западную и центральную Польшу, форсировали Нарев, Вислу, Сан, а местами и Буг. Расстояние между ними и советской границей быстро сокращалось.

Сталин и Молотов с обостренным вниманием следили за развитием событий на Западе. Надежды на затяжную войну в Польше и активные действия западных держав таяли; германско-польская война велась уже в непосредственной близости от наших границ, и у советского руководства не было уверенности в том, что гитлеровцы в случае успешного для них развития событий остановятся на линии Писса – Нарев – Висла – Сан, установленной секретным протоколом.

В обстановке, когда оперативное управление польскими войсками фактически было потеряно, а польское правительство намеревалось покинуть страну, на первый план выдвинулись два вопроса: как и под каким предлогом ввести советские войска на территорию Польши и как объяснить этот ввод советскому народу и всему миру? Отвечать на них приходилось немедленно, поскольку обстановка складывалась таким образом, что можно было ожидать капитуляции Польши в ближайшие дни. Однако капитуляции все же не последовало, и советское правительство было вынуждено срочно искать какие-то новые политические комбинации. Времени уже не оставалось. Обстановка требовала неотложного принятия решения.

Вступать или не вступать в Польшу – этот вопрос был не из легких для СССР. С одной стороны, оккупация Восточной Польши с военно-стратегической точки зрения была желанной целью. Существовало и опасение, что если эту территорию не займет Красная Армия, то туда придут немцы; в то же время невыполнение требований Риббентропа о вводе войск в Польшу могло привести к осложнениям с Германией. С другой стороны, существовала опасность того, что Англия и Франция объявят войну СССР, если Красная Армия перейдет польскую границу. Советское руководство опасалось попасть в ловушку нового «Мюнхена», так как, объявив Германии войну, Англия и Фран-

¹ ADAP. Ser. D. Bd. VII. S. 450.

² ADAP. Ser. D. Bd. VIII. S. 28.

все войсковые части и учреждения семи военных округов (ЛВО, КалВО, БОВО, КОВО, МВО, ХВО, ОрВО)¹. Усиливалась комендантская служба, оборона укрепленных районов западной границы, охрана важных военных объектов. Были сформированы и развернуты полевые управления Украинского и Белорусского фронтов. 11 сентября командованию Белорусского и Украинского фронтов было дано указание начать с 13 сентября оперативные переброски частей и соединений в районы сосредоточения у границы в готовности к ее переходу 16 сентября. 17.9.1939 в 5 ч 40 мин войска РККА получили приказ перейти советско-польскую границу и продвигаться к рубежам рек Писса, Нарев, Висла, Сан. О мотивах, побудивших Советское правительство направить свои войска в Польшу именно в этот момент, свидетельствует беседа Сталина с Шуленбургом 18 сентября. В беседе с послом Сталин выразил «определенные сомнения относительно того, будет ли германское верховное командование придерживаться московского соглашения в соответствующее время и вернется ли на линию, которая была определена в Москве (Писса – Нарев – Висла – Сан) ... Его беспокойство, – докладывал Шуленбург в МИД Германии, – было основано на том хорошо известном факте, что все военные неохотно возвращают захваченные территории». Посол просил уполномочить его «сделать дополнительное заявление такого характера, которое рассеяло бы его [Сталина – В.З, А.О.] сомнения»² (и на следующий день Риббентроп телеграммой уполномочил посла передать советскому правительству, что «соглашения... будут, конечно же, соблюдаться, и что они рассматриваются нами как фундамент новых дружественных отношений между Германией и Советским Союзом»³).

С немцами вопрос был улажен, но надо было как-то объяснить советскому народу и внешнему миру необходимость ввода советских войск в Польшу. В ноте правительства СССР, врученной польскому послу в Москве 17 сентября, было сказано, что «Польша превратилась в удобное поле для военных случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может также безразлично относиться к тому, чтобы украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошенные на произвол судьбы, оставались беззащитными»⁴. Одновременно послам 24 стран, имевшим дипломатические отношения с Советским Союзом, было заявлено, что СССР продолжает сохранять нейтралитет в войне.

Это было весьма своевременное заявление. В те же сентябрьские дни вопрос об объявлении СССР войны ставился в правительствах Англии и Франции. Однако было решено продолжать дипломатические отношения с Советским Союзом и даже активизировать их, чтобы удержать СССР от дальнейшего сближения с Германией. Кроме того, ввод советских войск в восточные районы Польши рассматривался как сужение экономической и стратегической базы рейха. В своем выступлении по радио 1 октября 1939 г. У.Черчилль, занимавший тогда пост военно-морского министра, признал, что выдвижение советской границы на запад создало серьезный барьер против беспрепятственного продвижения немецких войск на восток. «То, что русские армии, – отмечал он, – должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть»⁵.

Известный английский политический деятель Ллойд Джордж писал польскому послу в Лондоне осенью 1939 г., что СССР занял «территории, которые не являются польскими и которые были силой захвачены Польшей после Первой мировой войны... Было бы актом преступного безумия поставить русское продвижение на одну доску с продвижением немцев»⁶.

Войскам Белорусского и Украинского фронтов, вступившим в Польшу, разъяснялось, что они должны занять территории Западной Белоруссии и Западной Украины, взяв под свою защиту жизнь и имущество местного населения. В обращении Военных советов фронтов говорилось о том, что советские воины идут в Западную Украину и Западную Белоруссию «не как завоеватели, а как освободители... украинских и белорусских братьев... от всякого гнета и эксплуатации, от власти помещиков и капиталистов»⁷. Особо обращалось внимание советских бойцов на необходимость защиты местного населения от жандармов и осадников, охраны имущества всех граждан независимо от национальности, лояльного отношения с польскими военнослужащими и государственными чиновниками, если они не оказывают вооруженного сопротивления советским войскам.

Правительство Польши и Главное командование, оценив реальные события, констатировали, что условий для признания существования *casus belli* нет, то есть Польша не находится в состоянии войны с Советским Союзом. Было подтверждено вместе с тем, что надлежит все силы сконцентрировать для продолжения сопротивления немецким захватчикам. В результате этих решений появилось воззвание президента страны И.Мосьдзицкого, в котором, в частности, говорилось: «Граждане! Нам надо спасти то, что является сущностью Речи Посполитой и истинником конституционной власти. Поэтому я решил с сердцем, переполненным болью, перенести местопребывание правительства (резиденцию правительства) и президента Речи Посполитой за пределы страны...»⁸. Был также издан приказ Верховного главнокомандующего маршала Э.Рыдз-Смиглы войскам, переданный всеми возможными

¹ ЦГАСА. Ф. 33977. Оп. 1. Д. 161. Л. 13.

² ADAP. Ser D. Bd. VIII. S. 72.

³ Ibid. S. 81.

⁴ Цит. по: Золотарев В.А., Орлов А.С. Сокрушение зла. Великие тайны великой войны. М., 2006. С. 94.

⁵ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 1. С. 205.

⁶ История дипломатии. 2-е изд. М., 1975. Т. 4. С. 21.

⁷ Цит. по: Золотарев В.А., Орлов А.С. Указ. соч. С. 94.

⁸ Miedzynarodowe tzo agresji Rzeszy Niemickiej na Polske w 1939 r. Warszawa, 1987. S. 193.

средствами связи еще 17, а затем 18 сентября. В приказе предписывалось: «С Советами в бои не вступать, только в случае наступления с их стороны или в случае попыток разоружения наших частей... к которым Советы приблизились вплотную; в этом случае нужно вести с ними переговоры с целью вывести гарнизоны в Румынию и Венгрию»¹. В ту же ночь (на 18 сентября) польское правительство перешло польско-румынскую границу.

Тем временем войска советских фронтов устремились вглубь страны (рис. 1). К 10.00 18 сентября была установлена демаркационная линия по р. Висла, за которую должны были быть отведены войска вермахта.

На Белорусском фронте конно-механизированная группа генерала И.В.Болдина, сделав ночной бросок, утром 19 сентября заняла г. Волковыск. Под Гродно польские войска оказали сильное сопротивление, однако к утру 21 сентября город был уже занят. В это же время войска правого крыла фронта овладели Вильнюсом, отторгнутым у Литвы в 1920 г. За четыре дня советские войска продвинулись на 200–250 км.

После овладения Гродно часть соединений Белорусского фронта получила задачу действовать в направлении Августе и Суwalkи, остальные дивизии выходили в район Белостока и Беловежской пушчи. Войска Украинского фронта заняли Сарны, Луцк, Тернополь, Бугач, Станислав. Передовые отряды, используя успех главных сил, завязали бои за города Ковель и Стрый. Советские части подходили ко Львову. Польский гарнизон под командованием генерала Лангера был окружен немцами во Львове и оказывал сопротивление захватчикам. На предложение немцев капитулировать поляки ответили отказом, заявив, что они сдадутся только войскам Советской Армии.

В 4 ч. 19 сентября дозорные машины разведывательного батальона 24-й легкотанковой бригады подошли к населенному пункту Винники (в нескольких километрах от Львова), где столкнулись с подразделением 137-го полка вермахта, который открыл огонь. Завязался бой. Экипажи двух советских дозорных машин, подожженных гитлеровцами, героически дрались до конца, пока не взорвались бензобаки. Вскоре к полю боя подошли главные силы батальона. Немцы начали постепенный отход. Советские разведчики захватили два немецких самолета, три зенитные и две противотанковые пушки. 24-я легкотанковая бригада во взаимодействии с кавалерийским полком 2-го кавкорпуса готовилась продолжать наступление. Немецкое командование, обеспокоенное сложившейся обстановкой, обратилось с просьбой к советскому командованию с предложением взять Львов совместным наступлением с обеих сторон. Командование советских войск отклонило предложение немцев и потребовало от них немедленного отвода своих частей и соединений от Львова. В 11 ч. 40 мин. 20 сентября Гитлер отдал приказ о немедленном отводе немецких частей на 10 км западнее Львова и передаче Львова русским. 22 сентября Львов и гарнизон в 15 тыс. человек были сданы польским командованием Красной Армии. Тем не менее столкновения между советскими и немецкими войсками продолжались и западнее Львова, в связи с чем 23 сентября германскому послу в Москве был заявлен протест. Другая встреча с гитлеровцами произошла в Белоруссии, в Белостоке, но уже при совершенно иных обстоятельствах. К тому моменту, когда советские войска подошли к городу, немцы уже вошли в него. На предложение покинуть пределы Белостока они после некоторого колебания согласились, но поставили условие, что первоначально в город вступит не более 120 человек, остальные же советские части вошли бы туда лишь после ухода всего немецкого гарнизона. Условия были приняты, и в Белосток вошли 120 казаков 6-й кавалерийской дивизии под командованием полковника И.А.Плиева.

Бойцы Красной Армии раздают газеты польскому населению. 1939 г.

Реакция населения страны на ввод советских войск не была однозначной. В польской части общества вступление Красной Армии вызвало большей частью негативную и даже враждебную реакцию. Однако жители Западной Украины и Западной Белоруссии встречали воинов Красной Армии, как правило, радушно, хлебом-солью, цветами, красными флагами. Во многих городах и селах проходили многолюдные митинги, участники которых приветствовали приход советских войск. В то же время и здесь зажиточные слои населения относились к Красной Армии враждебно.

В те же сентябрьские дни продолжались интенсивные советско-германские переговоры. 19 сентября Моло-

тов дал понять Шуленбургу, что «первоначальное намерение, которое вынашивалось Советским правительством и лично Сталиным, – допустить существование остатков Польши [то есть сохранить Польшу как государство – В.З., А.О.] – теперь уступило место намерению разделить Польшу по линии рек Писса, Нарев, Висла, Сан»². Встал Вопрос и о Прибалтике. По секретному протоколу от 23 августа Латвия и Эстония отходили в сферу интересов СССР. Однако в момент подписания протокола дальнейшая политика СССР в отношении этих стран еще не была четко определена.

В тот же день Сталин в беседе с Шуленбургом предложил, чтобы из областей, расположенных восточнее демаркационной линии, в сферу интересов Германии перешли все Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства до Буга. За это немецкая сторона могла бы отказаться от Литвы. В случае согласия Гитлера Советский Союз немедленно приступил бы к решению проблемы балтийских государств согласно протоколу от 23 августа.

¹ Ibid.

² ADAP. Ser. D. Bd. VIII. S. 81.

Рис. 1. Польская кампания 17–20.09.1939

Через два дня Риббентроп прилетел в Москву. В ходе переговоров 27–28 сентября выработали условия нового договора «О дружбе и границе», который был подписан 28 сентября. Согласно этому договору была частично изменена граница «сферы интересов» двух государств – не по Висле, а примерно по линии рек Нарев – Буг – Сан. При определении этой границы СССР руководствовался этническими принципами, а также ставил преграду для дальнейшего продвижения гитлеровской Германии на Восток. К договору прилагалась соответствующая карта. Литва была включена в «сферу интересов» СССР¹.

¹ ADAP. Ser. D. Bd. VIII. S. 127f.

1939 г. Представители вермахта и РККА у демаркационной линии

К договору прилагались три протокола: один конфиденциальный и два секретных. Конфиденциальный протокол касался переселения в Германию немцев, проживающих на занятых советскими войсками землях; первый из двух секретных протоколов уточнял границы «сфер интересов» обеих стран, которые в значительной своей части совпадали с этническими границами; во втором говорилось, что обе стороны не допустят на своей территории польской агитации, направленной против другой стороны.

Между СССР и Германией устанавливалась граница примерно по так называемой «линии Керзона», признанной в свое время Англией, Францией, США и Польшей. Она проходила по рекам Нарев, Западный Буг, г. Ярослав (в Подкарпатском воеводстве на реке Сан) и далее по р. Сан до ее истоков, включая Ужеский перевал. К 5–9 октября 1939 г. все части и соединения советских войск, которые зашли дальше установленной границы, были отведены на восток (рис. 2).

Рис. 2. Польша в 1939 г.

Переговоры, предшествовавшие подписанию договора, и переписка сторон в какой-то степени раскрывают мотивы действий советского правительства по мере развития событий. Предложение Сталина провести границу не по Висле, а по международно признанной Парижской конференцией «линии Керзона», чтобы «избежать всего, что в будущем может вызвать трения между Германией и Советским Союзом»¹, его стремление исключить Литву из сферы интересов Германии – все это было направлено на то, чтобы поставить предел гитлеровской агрессии на Восток, сохранив при этом хорошие отношения с Германией, превосходящая военная мощь которой не вызывала сомнений.

Отсюда, видимо, и возник тезис о «дружбе», создававший впечатление о вполне дружественных отношениях между двумя государствами, что нашло отражение и в названии договора – «О дружбе и границе». Этот договор означал дальнейшее сближение социалистического государства с фашистским рейхом, тогда как интересы безопасности СССР требовали оставаться на позициях нейтралитета и не связывать себя тесными узами с Германией. Была свернута антифашистская пропаганда в стране и во всем мире. Сталин и его окружение начали оправдывать войну Германии против западных держав, всячески демонстрировать свою

¹ ADAP. Ser. D. Bd. VIII. S. 101.

солидарность с Третьим рейхом. Были свернуты контакты со многими странами мира.

Договор сделал германо-советские отношения более определенными, знаменовав собой начало их нового этапа. Западная Белоруссия и Западная Украина влились в состав СССР, Москва получила свободу действий в Прибалтике.

Складывавшаяся международная обстановка в конце сентября диктовала советскому руководству и конкретные формы политики в отношении прибалтийских государств. На первый план вышли соображения военного характера, требовавшие размещения каких-то контингентов советских войск и военно-морских баз в Прибалтике, чтобы обезопасить этот район от германской экспансии, создать стратегическое предполье в предвидении неизбежной в будущем войны с Германией, держать вермахт как можно дальше к западу от границ СССР.

В Европе все сильнее разгоралось пламя войны, и надежды малых стран, находившихся между Германией и СССР, удержаться на позициях нейтралитета являлись не более чем иллюзией. И это хорошо понимали и народы, и правящие круги прибалтийских государств. Поэтому предложение Советского Союза о заключении соглашения о взаимной помощи правительства прибалтийских республик восприняли как меньшее из зол. Эти договоры соответствовали интересам безопасности не только СССР, но — объективно — и государств Прибалтики, хотя и были подписаны ими под силовым нажимом со стороны СССР.

Кроме того, охватившая Европу война нарушила традиционные народно-хозяйственные связи прибалтийских стран с государствами Запада, ухудшив социально-экономическое состояние региона. В этой обстановке предусмотренные договорами с СССР экономические связи, обеспечивавшие поставки из СССР в страны Прибалтики нефти, железа, хлопка, многих других видов сырья и товаров, в определенной мере облегчали экономическое положение стран региона, повышали занятость населения в промышленности и сельском хозяйстве, компенсировали нарушенные в ходе войны торговые-промышленные отношения с Западом. Все это создавало заинтересованность широких масс населения Прибалтики в союзнических отношениях с СССР.

Договаривающиеся стороны обязались оказывать друг другу всяческую помощь, включая и военную. Предусматривалось создание на территории Латвии, Литвы и Эстонии военных баз и размещение на них ограниченного контингента советских воинских частей (по 25 тыс. человек в Латвии и Эстонии и 20 тыс. человек в Литве). Эти и другие соглашения не посягали на суверенные права Литвы, Латвии и Эстонии, не затрагивали их общественного и государственного устройства. Они были направлены против превращения их территории в плацдарм для нападения на СССР. В воспоминаниях, опубликованных участником советско-латвийских переговоров 1939–1940 гг. министром иностранных дел Латвии В.Мунтерсом в Риге в 1963 г., отмечается, что при подписании договора латвийская делегация исходила из того, что «только так можно сохранить латышский народ, обеспечить ему мир, не допустить уничтожения его Германией»¹.

Советские гарнизоны, которые были размещены в трех прибалтийских республиках на основе заключенных договоров о взаимной помощи, ни в коей мере не должны были вмешиваться во внутренние дела этих стран. Ни о какой советизации этих республик речь не шла. Народный комиссар иностранных дел писал Полпреду СССР в Эстонии Никитину 23 октября 1939 г.: «Нашей политики в Эстонии в связи с эстоно-советским пактом о взаимопомощи Вы не поняли. Из ваших последних шифровок... видно, что Вас ветром понесло по линии настроений «советизации» в Эстонии, что в корне противоречит нашей политике. Вы обязаны, наконец, понять, что всякое поощрение этих настроений насчет «советизации» Эстонии или даже простое непротивление этим настроениям на руку нашим врагам и антисоветским провокаторам... Вы таким неправильным поведением сбиваете с толку и эстонцев. Вы должны заботиться о том, чтобы наши люди, в том числе наши военные в Эстонии, в точности и добросовестно выполняли Пакт о взаимопомощи и принцип невмешательства в дела Эстонии»². Подобные указания давались и дипломатам, представлявшим СССР в Латвии и Литве; такой же характер имели и директивы военного ведомства. Так, в приказе Народного Комиссара Обороны СССР от 25 октября 1939 г. № 0162 говорилось: «...2. Разъяснять всему личному составу наших частей дружественную политику Советского правительства по отношению к Эстонии. Договор о взаимопомощи с Эстонией призван обеспечить прочный мир в Прибалтике, безопасность Эстонии и Советского Союза. Весь личный состав наших частей должен точно знать, что по пакту о взаимопомощи наши части расквартированы и будут жить на территории суверенного государства, в политические дела и социальный строй которого не имеют права вмешиваться»³.

Приказы № 0163 и 0164, в свою очередь, категорически предписывали личному составу 2-го Особого

Подписание пакта о взаимопомощи между СССР и Латвией. 1939 г.

¹ Дризулис А. Памятная записка министра иностранных дел Латвии В.Мунтерса о советско-латвийских переговорах 1939 г. по поводу Пакта о взаимопомощи // Отечественная история. 1992. № 2. С. 179.

² Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. – август 1940 г. М., 1990. С. 144.

³ Там же. С. 147.

стрелкового и 16-го Особого стрелкового корпусов невмешательство во внутренние дела Латвийской и Литовской республик. Эти приказы неукоснительно выполнялись.

В одной из инструкций по взаимоотношениям советских военнослужащих с местным населением говорилось: «Военнослужащие и командование советских войск строго соблюдают и исполняют законные требования литовской администрации, не вмешиваются и не препятствуют местной администрации исполнять свои обязанности; воздерживаются от каких бы то ни было возражений к местным действующим законам, обязательным постановлениям и правилам; не участвуют в устраиваемых встречах, никакого участия в общественной местной жизни не принимают... б) Дежурный по гарнизону офицер литовской армии и его помощник, а там, где нет гарнизонов – чины гражданской власти, имеют право проверять удостоверения у всех военнослужащих РККА и всех оказавшихся без увольнительных удостоверений задерживать и передавать дежурному командиру для дальнейшего направления его в часть»¹. Не удивительно, что большинство местного населения не считало красноармейцев оккупантами. Это отмечали и государственные деятели прибалтийских республик. Так, в одном из выступлений в январе 1940 г. министр иностранных дел Латвии Ю. Урбисис заявлял: «Войска Советского Союза никак не вмешиваются в наши внутренние дела... Мы распоряжаемся в нашей стране так, как распоряжались до договора от 10 октября, правдой является также то, что со стороны Советского Союза мы до сих пор не испытывали никакого расхождения с положениями договора гостеприимства...»².

Конечно, было бы наивным утверждать, что советские гарнизоны, которые были размещены в странах Прибалтики, не оказывали никакого воздействия на внутрисполитическую жизнь. Сам факт их присутствия создавал обстановку, в которой левые силы трех прибалтийских республик могли действовать более активно. Но это не был режим оккупации.

Таким образом, вступление советских войск в Западную Белоруссию и Западную Украину, договор «О дружбе и границе» и перераспределение «сфер влияния» между СССР и Германией, соглашение СССР с республиками Прибалтики положили конец этапу неопределенности в отношениях СССР и Третьего рейха. Характерной чертой этого этапа явилось то, что Сталин и его окружение, действуя в рамках, определенных секретным протоколом, стремились в то же время соблюдать нормы международного права. Об этом свидетельствует и выбор момента ввода сил Красной Армии в Польшу, и форма договоров с прибалтийскими республиками, и строгое соблюдение условий этих договоров (до лета 1940 г., когда стратегическая обстановка резко изменилась). Сентябрь показал, что немцы, хотя и нарушали некоторые пункты секретного протокола от 23 августа, в целом действовали в рамках достигнутых договоренностей. Это стабилизировало отношения СССР с Германией, придало Сталину уверенности, что он беспрепятственно может решить свои задачи в «сфере интересов» СССР. Ободряло советское руководство и то, что западные державы не рискнули объявить войну СССР. Продолжавшаяся на Западе «странная война» позволяла надеяться, что военные действия примут затяжной характер, а в случае их активизации вермахт встретит достаточно сильное сопротивление англо-французских армий. В этих условиях обе воюющие стороны ослабляли бы друг друга, а Советский Союз, как надеялись его руководители, оставаясь на позициях нейтралитета, мог повысить свою обороноспособность, усилить армию и флот, укрепить западные рубежи в готовности встретить гитлеровскую агрессию.

Разгром Франции, эвакуация на Британские острова английского экспедиционного корпуса, бросившего все вооружение во Фландрии, завоевание ряда стран Западной и Северной Европы коренным образом изменили военно-политическую обстановку в мире. В Европе оставались только две реальные военные силы фашистская Германия в блоке с Италией и Советский Союз, находившийся (особенно после советско-финляндской войны), по существу, в международной изоляции. Вопрос о схватке между Германией и СССР, который существовал со времени прихода фашистов к власти, теперь выступил на первый план, хотя внешне обе державы продолжали соблюдать рамки пакта о ненападении и демонстрировать дружбу. В этой обстановке Советскому Союзу приходилось считаться с возможностью переброски германских войск на Восток для нападения на СССР и одновременного захвата Прибалтики. Действительно, вскоре началось сосредоточение германских войск в Восточной Пруссии, там была объявлена дополнительная мобилизация, проводились и другие мероприятия, свидетельствовавшие о возможной угрозе фашистского вторжения в Прибалтику.

В результате перегруппировки войск вермахта только из Франции немцы перебросили на Восток несколько десятков дивизий, значительное число которых было направлено в районы Польши и на границу Германии с Литвой. В результате к середине июля в Восточной Пруссии оказалось сосредоточено 12 дивизий, а на территории Польши – до 36 дивизий³. Наряду с наращиванием сухопутных сил против СССР, Германия сразу после ввода советских войск на территорию прибалтийских государств фактически начала вести активную крейсерскую войну в зоне непосредственных военно-политических интересов СССР в Балтийском море. Германское командование не ограничивалось организацией крейсерования своих военных кораблей у входа в Финский и Рижский заливы. В устье этих заливов под предлогом контроля над торговыми судами Латвии, Эстонии и Финляндии, перевозящими в шведские порты грузы, предназначенные для Англии, оно направляло свои корабли.

В сложной обстановке лета 1940 г. руководство СССР не могло не учитывать и тревожную информацию, получаемую от разведки и из других источников, о враждебных СССР настроениях правящих кругов и многих

¹ ЦГАСА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 377. Л. 10–12.

² История СССР. 1990. № 4. С. 49.

³ ЦГАСА. Ф. 39041. Оп. 6. Д. 3. Л. 63–65.

высших военных и политических деятелей прибалтийских государств, об их связи с Германией. В самом деле, политическая ситуация в Прибалтике начала обостряться уже в ходе советско-финляндской войны. Эстония и Латвия в нарушение договоров с СССР оказывали помощь Финляндии. Из Эстонии, в частности, в Финляндию прибыло несколько десятков добровольцев. В феврале 1940 г. президент Литвы Сметона направил в Берлин директора департамента госбезопасности Повилайтиса на секретные переговоры об установлении в Литве германского протектората. В начале 1940 г. состоялась встреча министра иностранных дел Эстонии Сельтера с Герингом. Летом усилился приток в Прибалтику, в частности, в Литву, немецких туристов и журналистов. По мере роста успехов германского оружия в ходе кампании на Западе и на фоне неудач Красной Армии в войне с Финляндией правящие круги прибалтийских республик все более активизировали антисоветскую деятельность.

В связи с этим советское правительство сочло необходимым принять досрочные меры по укреплению обороны прибалтийского сегмента сферы влияния СССР. Оно отправило ноты руководству Литвы (14 июня), Латвии и Эстонии (16 июня), где указывало, что считает совершенно необходимым и неотложным сформировать в них такие правительства, которые могли бы обеспечить «честное проведение в жизнь» договоров о взаимной помощи с СССР, а также потребовало увеличить численность советских войск на территории Прибалтики. Эти ноты СССР были продиктованы объективной необходимостью, поскольку немногочисленность советских гарнизонов в Прибалтике и невысокие возможности армий прибалтийских государств не обеспечивали надежного заслона в случае гитлеровской агрессии.

Однако составленные в грубой форме («чтобы немедленно было сформировано...», «чтобы немедленно был обеспечен...») советские ультиматумы являлись отражением сталинских методов во внешней политике, а само требование изменить состав правительства, конечно же, было нарушением международного права, вмешательством во внутренние дела суверенных государств.

В то же время было бы ошибкой утверждать, что методы силового давления в годы войны были присущи только СССР или только тоталитарным государствам. Нет, они широко применялись в то время и буржуазными демократиями. Нарушения международного права при решении проблемы национальной безопасности в условиях войны были в то время распространенным явлением. Воюющие державы не раз в годы войны игнорировали правовые нормы, когда это диктовала стратегия. Расстрел или интернирование французского флота англичанами 3 июля 1940 г. еще до того, как были порваны дипломатические отношения с Францией (5 июля), вступление английских и советских войск в Иран, высадка американских войск в Марокко вопреки воле правительства этих стран или без их разрешения, захват англичанами о. Мадагаскар в 1941 г., принадлежавшего не участвовавшей в войне вишистской Франции, — такими примерами полна история Второй мировой войны. стратегические приоритеты отодвигали нормы международного права на второй план.

Утром 17 июня 1940 г. в республики Прибалтики вступили крупные силы советских войск в составе 10 стрелковых дивизий и 7 танковых бригад¹. В Таллин и Двинск (Даугавпилс) прибыли корабли и суда Балтийского флота.

Эта мера была продиктована в первую очередь интересами национальной безопасности СССР в условиях усилившейся угрозы войны, необходимостью усиления группировки Красной Армии в стратегически значимом регионе. Незамерзающие порты обеспечивали действия флота на Балтике круглый год. В случае войны Балтийский флот получал возможность проводить крейсерские операции, организовывать рейды подводных лодок, осуществлять минирование акватории Балтийского моря у берегов Восточной Пруссии и Померании, блокировать доставку в Германию железной руды из Швеции. Аэродромы, расположенные в Прибалтике, позволяли советской авиации действовать на территории Германии; именно отсюда были нанесены первые воздушные удары по Берлину.

В то время мотивы действий СССР были понятны военным специалистам других стран. 21 июня 1940 г. германский посланник в Риге фон Котце писал: «Вступающие войска столь многочисленны, что... невозможно себе представить, чтобы только для подчинения Латвии необходима была такая обширная оккупация. Я думаю, что в русских мероприятиях сыграла свою роль мысль о Германии и имеющихся у нее возможностях и что планы русских имеют оборонительный характер»². Ему вторит немецкий посол в Каунасе Э.Цехлин, в тот же день докладывавший: «Совершенно очевидно, что столь внушительная демонстрация силы не может проводиться только с целью оккупации Литвы. С учетом всей политической обстановки становится ясно, что Советский Союз направил такое количество войск из недоверия к Германии с чисто оборонительными целями»³. Такого же мнения придерживался и глава британского МИД Э.Галифакс. В те дни он считал, что «концентрация советских войск в Прибалтийских государствах является мероприятием оборонного характера»⁴.

Приверженцы версии превентивной войны Гитлера против СССР делают упор на то, что вся наша пропаганда была пропитана духом наступления на капиталистический мир. Да и планы предстоящей войны пронизаны идеей решительного стратегического наступления на противника. Что ж, безусловно, доля правды в этих утверждениях есть. Но, во-первых это далеко не вся правда, а, во-вторых, это то, что бросается в глаза сразу потому, что лежит на поверхности. Постараемся раскрыть сущность этого явления.

Со второй половины 1930-х гг., по мере того, как все громче гремели военные барабаны на берегах

¹ ЦГАСА. Ф. 33988. Оп. 3 Д. 376. Л. 302–305.

² Bundes Archiv BRD. Письмо германского посланника в Риге в МИД Германии 21 июня 1940 г.

³ Ibid. Письмо германского посланника в Каунасе в МИД Германии 21 июня 1940 г.

⁴ PRO. Cab. 65/7. P. 2557.

Рейна, все больше менялась политика Советского Союза. Лозунги «мировой революции» и интернациональные интересы уступали место национальным интересам страны Советов, отодвигавшим на второй план идеологические постулаты, хотя в массовой пропаганде они продолжали иметь место. Так, уже в выступлении Сталина на XVII съезде ВКП(б) (1934 г.) на первый план выдвигаются территориальные проблемы, а не идеология интернационализма¹. В последующие же годы по мере того, как завоевательная политика Гитлера приобретала все более четкие очертания, а его угрозы в адрес СССР повторялись все чаще, ориентация на «мировую революцию» в Кремле сменилась на политику великодержавности, восстановления исторических традиций России, воспитания патриотизма, культа оборонного сознания народа. Однако рецидивы психологии «мировой революции» давали о себе знать. И у Сталина в той же речи на XVII партсъезде есть и такой пассаж: «Народы СССР будут драться насмерть за завоевания революции. Она [будущая война – В.З., А.О.] будет самой опасной для буржуазии еще и потому, что война будет происходить не только на фронтах, но и в тылу у противника. буржуазия может не сомневаться, что многочисленные друзья рабочего класса СССР в Европе и Азии постараются ударить в тыл своим угнетателям, которые затеяли преступную войну против отечества рабочего класса всех стран»². Но и здесь речь идет не о мировой революции, а о защите Советского Союза.

Вот откуда пошел тезис «И на вражьей земле мы врага разобьем малой кровью, могучим ударом». Не потому, что «от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее», а потому, что Красная Армия нанесет удар по стране противника, в тылу которого уже полыхает восстание вооруженных масс, и надо только решительным ударом прорвать фронт войск капиталистического противника и соединиться с восставшим народом.

Именно исходя из этого наша внешняя политика тех лет содержала два ключевых положения:

1. Советский Союз не собирается нападать на кого-либо, он стоит за мир и укрепление деловых связей со всеми странами.

2. Если же наша страна подвергнется нападению, то враг будет не только отброшен от наших границ, но и наголову разгромлен решительным наступлением Красной Армии. Это второе положение отражалось в военной доктрине. В полевом уставе 1939 г. говорилось: «Если враг навязет нам войну, Рабочее-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательно, перенеся ее на территорию противника»³.

Эта-то наступательная риторика, многократно повторявшаяся в речах, статьях, кинофильмах, песнях, в сочетании с тезисами о «мировой революции» и дает сегодня повод говорить о планах «наступательной войны», которой якобы придерживалось советское военно-политическое руководство со времен революции 1917 г. до 1941 г. И авторы некоторых трудов 1920-х–1930-х годов, и их сегодняшние критики порой отождествляют понятия «нападение» (что в современной лексике означает агрессию) и «наступление» – термин сугубо военный, означающий лишь один из основных видов военных действий наряду с обороной.

Между тем в основополагающем плане «развертывания вооруженных сил Советского Союза на западе и на востоке на 1940 и 1941 годы» от 18 сентября 1940 г. в отношении «основ нашего стратегического развертывания на западе» говорится: «1. Активной обороной прочно прикрывать наши границы в период сосредоточения войск»⁴, и в последующих уточненных вариантах плана ключевое положение об активной обороне неизменно сохранялось. Исключение составляет лишь записка наркома обороны и начальника Генштаба Председателю СНК СССР И.В.Сталину от 15 мая 1941 г. В ней давался анализ сложившейся обстановки и содержались предложения Наркомата обороны о плане стратегического развертывания вооруженных сил СССР «на случай войны с Германией и ее союзниками». «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар, – говорилось в записке. – Чтобы предотвратить это, считаю [так в тексте – В.З., А.О.] необходимым ни в коем случае не давать инициативу действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»⁵.

Это единственный документ (если можно считать документом никем не подписанную и неизвестно, доложенную ли адресату докладную, подготовленную Генштабом), где предлагается нанести упреждающий (а не превентивный!) удар по изготавившейся к нападению а нашу страну гитлеровской армии вторжения. Цель такого удара (в отличие от превентивного) – не разгромить Германию, а сорвать подготавливаемое противником наступление. При этом речь идет о том, что Германия уже давно отмобилизовала свою армию и экономика этой страны во всю мощь работает на войну, а СССР «в случае войны» еще предстоит мобилизация и перевод экономики на военное положение. Генштаб предлагает

¹ Россия XX век. Документы. В двух книгах. М., 1998. Кн. 2. С. 513–514.

² Там же. С. 512.

³ Полевой устав РККА (проект). М., 1939. С. 9.

⁴ Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 44.

⁵ Россия XX век. Кн. 2. С. 216.

сорвать немецкие планы и разгромить главные силы противника, сосредоточенные у наших границ, выйти к рекам Нарев, Висла и овладеть районом Катовице. В последующем разгромить силы Центра и Северного крыла Германского фронта, овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии¹.

Сравните с планом «Барбаросса». Там – уничтожить Красную Армию и захватить полстраны, здесь – разгромить главные силы противника и выйти к прежним, довоенным границам основной территории Германии. Уже это свидетельствует о том, что предложение Генштаба было порождено обстановкой мая 1941 года, а не глубоко и всесторонне продуманным планом агрессивной войны. Но и эта записка не вышла за пределы Генштаба и была отправлена в архив.

Вступление дополнительных контингентов войск Красной Армии в государства Прибалтики было встречено народом хотя и без энтузиазма, но с пониманием обстановки, а некоторыми слоями населения и с радостью. Английский посланник в Латвии К.Орд телеграфировал в Лондон: «Значительная часть населения встретила советские войска приветственными возгласами и цветами»².

Не обошлось и без эксцессов. Так, командир советской военно-морской базы в Таллине С.Кучеров в ультимативном тоне потребовал предоставить в его распоряжение ряд помещений, что было незаконным требованием. По этому поводу 18 июня 1940 г. командир 65-го отдельного стрелкового корпуса комдив Тюрин докладывал командующему Ленинградским военным округом генералу Мерецкову: «Командир морской базы (С.Кучеров) предъявил эстонцам ультимативные требования об освобождении огромного количества зданий Таллинна, включительно до министерства, с указанием срока – 24 ч 19 июня. Требуется передать всю зенитную артиллерию и аэродромы сухопутной авиации... Войска НКО и ВМФ по утвержденной дислокации частей должны устраиваться иным порядком... Кучерову указал на незаконность его действий. Авиацию приказал убрать на свои аэродромы»³.

В те дни в странах Прибалтики массовые митинги и демонстрации положили начало формированию народных правительств. Присутствие советских войск и изоляция Прибалтики от стран Запада, разделенных войной, не позволяла буржуазным правительствам рассчитывать на поддержку извне, поэтому данный процесс протекал мирным путем. Мирный характер перехода власти к народным правительствам и законность этих правительств получили признание во внешнем мире. Так, например, новое правительство Латвии было признано 19 европейскими государствами, поддерживавшими с ней дипломатические отношения.

14–15 июля в Латвии, Литве и Эстонии состоялись выборы, в которых принимали участие широкие слои населения. В Латвии и Литве были избраны народные сеймы, в Эстонии – Государственная дума, провозгласившие в прибалтийских республиках советскую власть и постановившие просить Верховный Совет СССР принять Советскую Латвию, Советскую Литву и Советскую Эстонию в состав СССР.

Таким образом, вступление прибалтийских республик в состав Союза ССР летом 1940 г. было продиктовано в первую очередь интересами советской внешней политики. Но этот процесс определялся не только резко выраженными интересами СССР. На него влияли и динамически развивавшиеся события, происходившие в самих прибалтийских республиках. Демократические круги общественности требовали замены авторитарных режимов и радикальных изменений в жизни этих стран, которые должны были произвести новые демократические правительства. Некоторая часть народа, как показали многочисленные митинги, стояла за вступление в состав СССР в надежде на защиту от фашистской оккупации.

Однако, на наш взгляд, в сложной обстановке лета 1940 г. советское руководство не проявило достаточной

Демонстрация трудящихся г.Риги, посвященная принятию Латвии в состав СССР

Демонстрация трудящихся Каунаса в честь принятия Литвы в состав СССР

Митинг по случаю принятия Эстонии в состав СССР

¹ Орлов А. Сталин, Гитлер и Суворов // Аргументы и факты. 1995. № 15.

² История СССР. 1990. № 4. С. 53.

³ Центральный архив Министерства обороны СССР (ЦАМО). Ф. 15. Оп. 176705. Д. 77. Л. 350–351.

политической мудрости. Если усиление группировки Красной Армии в Прибалтике давало определенный стратегический выигрыш, то курс на государственное объединение прибалтийских республик с Советским Союзом обернулся крупным политическим просчетом советского руководства. Ввод дополнительных соединений РККА и замена авторитарных правительств в странах Прибалтики были встречены большинством зарубежных государств как вполне объяснимая мера, продиктованная интересами безопасности СССР в складывавшейся обстановке (о чем свидетельствует признание новых правительств многими странами). Но когда прибалтийские республики были включены в состав СССР, международное сообщество расценило это как аннексию, как проявление «имперских амбиций коммунистического тоталитарного государства», как попытку «умножить число советских республик». Реакция была незамедлительной. Резко ухудшились отношения Советского Союза с Англией и США, т.е. с теми странами, которые являлись потенциальными союзниками СССР, причем как раз в тот момент, когда все явственнее обозначались противоречия Советского Союза с рейхом и обстановка требовала всемерного улучшения отношений с западными державами. Так, в частности, хотя в ноте госдепартамента США от 1 июля 1940 г. указывалось, что правительство США готово сотрудничать с СССР и «поддерживать нормальные торговые отношения между СССР и США, которые возможны при нынешнем международном положении», американское правительство предприняло ряд недружественных актов, особенно в связи с «прибалтийским вопросом»¹. Оно заморозило в июле 1940 г. находившиеся в США фонды прибалтийских республик и задержало золото, закупленное ранее Госбанком СССР у этих стран.

Спешное включение в состав СССР Латвии, Литвы и Эстонии было крупной политической ошибкой с далеко идущими последствиями и в отношении народов Прибалтики. Когда прибалтийские республики объявили себя социалистическими государствами, союзными СССР, это было объяснимо и понятно для их населения в ситуации 1940 г. Но вступление их в состав Советского Союза, поспешное внедрение модели сталинского социализма, сопровождавшееся стремительной насильственной ломкой существовавшего на протяжении веков хозяйственного и социокультурного уклада, осложнили внутривнутриполитическую ситуацию. Негативные последствия этих процессов сказываются в Литве, Латвии и Эстонии и в наши дни.

В условиях неблагоприятного развития событий на восточноевропейском военном театре встал также вопрос и об укреплении юго-западных границ СССР, тем более, что антисоветская политика правительства Румынии ни для кого не являлась секретом. Румынское правительство возлагало большие надежды на поход западных держав против СССР. В частности, во время советско-финляндской войны румынская печать пропагандировала англо-французские планы завоевания Кавказа. Король Румынии Кароль II, посетив в январе 1940 г. Бессарабию, заявлял, что и Одесса является исконно румынским городом.

В начале 1940 г. была усилена группировка румынских войск в Бессарабии и Буковине, а с весны того же года произошла полная переориентация правящих кругов Румынии на Германию. Румынское правительство обратилось к Германии за помощью в строительстве укреплений вдоль Днестра, демонстративно провело мобилизацию 1 млн. резервистов, увеличило военные расходы. 19 апреля Коронный совет Румынии под председательством короля выразил готовность к военному конфликту с СССР в случае, если тот потребует возвращения Бессарабии². 29 мая между Румынией и Германией был подписан договор, в соответствии с которым начались поставки румынской нефти в Третий рейх, а современной немецкой техники и вооружения – в Румынию³.

Поспешность, с которой происходило подчинение Румынии фашистской Германии, делала весьма вероятным превращение в плацдарм для нападения на СССР румынской территории, а также Бессарабии и Северной Буковины, оккупированных Румынией в 1918 г. Советский Союз никогда не признавал аннексию Румынией этих территорий. Однако если Бессарабия вошла в состав России еще в 1812 г., т.е. задолго до образования государства Румыния, то в отношении Северной Буковины СССР исходил из того факта, что в ноябре 1918 г. Народное вече Буковины приняло решение о воссоединении с Советской Украиной. Правительство последней тогда не признало румынской оккупации Буковины и заявило, что использует все средства, чтобы освободить ее от румынского владычества.

В создавшейся к лету 1940 г. обстановке советское правительство потребовало незамедлительно решить бессарабский вопрос, чтобы обезопасить юго-западные границы страны и вернуть бессарабское население и территорию в состав СССР. В беседе с Шуленбургом 23 июня 1940 г. В.М.Молотов сообщил, что если Румыния «не пойдет на мирное разрешение бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой. Советский Союз долго и терпеливо ждал решения этого вопроса, но теперь дальше ждать нельзя», и подчеркнул, что советское правительство считает этот вопрос чрезвычайно срочным⁴. Через три дня советское правительство передало румынскому правительству ноту. В ней говорилось: «Советский Союз считает необходимым и своевременным в интересах восстановления справедливости приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу. Правительство СССР считает, что вопрос о возвращении Бессарабии органически связан с вопросом о передаче той части Буковины, население которой в своем громадном большинстве связано с Советской Украиной как общностью историче-

¹ Foreign Relations of the United States (FRUS). 1940. Washington, 1958. Vol. 3. P. 323–324.

² Новиков В.И. Воспоминания дипломата. Записки 1938–1947. М., 1999. С. 40.

³ Fall Barbarossa... Dokumente zur Vornereilung der Faschistischen Wehmiacht oufdie Agression gegen die Sowijetunion (1940/41). Berlin. 1970. S. 28.

⁴ АВП СССР. Ф 048. Оп. 21в. Д. 5. Л. 150–151.

ской судьбы, так и общностью языка и национального состава»¹.

Правительство Румынии, желая выиграть время и затянуть решение бессарабского вопроса, дало уклончивый ответ на эту ноту, согласившись лишь на ведение переговоров по этому поводу. Тогда правительство СССР в ноте от 27 июня потребовало вывести румынские войска с «территории Бессарабии и Северной Буковины в течение четырех дней, начиная с 14 ч по московскому времени 28 июня»². Попытки румынского правительства заручиться поддержкой Германии не имели успеха, однако ситуация вызвала у германского руководства озабоченность. В Берлине не отрицали правомерность советских требований на Бессарабию, но резко возражали против расширения стратегического плацдарма Советского Союза на его западных границах за счет присоединения Северной Буковины, даже не входившей в состав России или СССР. вступление советских войск на эту территорию противоречило и гитлеровским планам войны против Советского Союза. «Претензии советского правительства в отношении Буковины – нечто новое, – писал Риббентроп 25 июня 1940 г. Шуленбургу. – Буковина была территорией австрийской короны и густо населена немцами... В других районах Румынии Германия имеет очень важные экономические интересы... Германия поэтому, как мы неоднократно информировали советское правительство, крайне заинтересована в том, чтобы эти районы не стали театром военных действий»³. Так, руководство Третьего рейха стремилось не допустить в тот момент военных действий между Румынией и СССР, так как это поставило бы под угрозу нефтяные источники Румынии, необходимые Германии для ведения войны. Поэтому когда румынский король обратился с просьбой оказать военную помощь в конфликте с СССР, германское правительство официально посоветовало Румынии уступить, сопроводив официальную рекомендацию устным советом «пока уступить», намекая на скорую войну против Советского Союза и компенсацию Румынии за счет советских земель⁴. Вечером 27 июня Коронный совет Румынии принял советские предложения о немедленном урегулировании бессарабского вопроса и передаче СССР Северной Буковины.

28 июня части Красной Армии вступили на территорию Бессарабии и Северной Буковины (рис. 3).

К исходу 30 июня вся территория Бессарабии и Северной Буковины была освобождена, и государственная граница СССР была установлена по рекам Прут и Дунай. Эта граница была признана США, Великобританией и другими государствами антигитлеровской коалиции, участвовавшими вместе с СССР в 1947 г. в подписании мирного договора с Румынией.

На примере Бессарабии и Северной Буковины наглядно видно, что именно интересы стратегии определили советскую политику в отношении новых западных территорий, вошедших в СССР в 1940 г. С территории Бессарабии советская авиация могла держать под угрозой нефтяные промыслы Румынии, бывшей главным поставщиком нефти для Германии. Северная Буковина, никогда ранее не принадлежавшая России, нужна была потому, что через ее территорию проходила рокадная железная дорога стратегического назначения, проходившая от Одессы через Кишинев, Черновицы на Львов и имевшая европейскую колею. Это

позволяло использовать подвижной состав для передвижения по железным дорогам Европы. О важности этой дороги Молотов говорил Шуленбургу 26 июня 1940 г. Тогда в ходе продолжительных переговоров советский нарком, заявив, что «Буковина является последней недостающей частью Украины», сообщил германскому послу, что СССР сможет ограничиться Северной Буковиной, где преобладает украинское население; в результате СССР получит «прямую железнодорожную связь от Бессарабии через Черновицы в Лемберг» (Львов).⁵

Рис. 3. Бессарабская операция 28–30.06.1940.

¹ Правда. 1940. 29 июня.

² Там же.

³ Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941. М., 1991. С. 198.

⁴ Nazi-Soviet Relation 1939–1940. New York, 1948. P. 163.

⁵ Оглашению подлежит... С. 202.

Вопрос об использовании этой магистрали встал в ходе Чехословацкого кризиса 1938 г., когда речь шла о возможностях переброски советских войск в Чехословакию (Сталин, видимо, хорошо знал цену дороги Черновицы – Львов: в 1920 г. он был членом Военного совета Юго-Западного фронта, который проводил тогда Львовскую операцию Красной Армии).

*Встреча Красной Армии в Бессарабии.
1940*

2 августа 1940 г. VII сессия Верховного Совета СССР приняла закон об образовании Молдавской ССР и включении в состав УССР Северной Буковины, а также тех южных и северных районов Бессарабии, в которых преобладало украинское население. Крестьянам бесплатно было передано свыше 268 тыс. гектаров земли в Бессарабии и 146 тыс. гектаров в Северной Буковине, конфискованной у помещиков и королевской семьи. Свыше 130 тыс. бедняцких крестьянских хозяйств были освобождены от сельскохозяйственного налога. Принимались решительные меры по ликвидации безработицы, повышению жизненного и культурного уровня трудящихся.

Вместе с тем необходимо отметить, что, вступая в состав Советского Союза, трудящиеся Прибалтики, Бессарабии, Северной Буковины считали СССР государством социальной справедливости, демократии и широких прав трудящихся, однако введение советских порядков проводилось силовыми методами, в спешке, с нарушением национальных традиций, без учета местных особенностей. Происходившие социалистиче-

ские преобразования с первых же дней несли на себе печать казарменного социализма, повсюду стала устанавливаться административно-бюрократическая система, уже господствовавшая на остальной территории СССР. Как и по всей стране, в новых республиках проводились репрессии и массовые депортации. Все эти беззакония компрометировали социализм, вызывали разочарование в среде трудящихся, делали многих из них противниками советского строя.

В то же время при оценке событий, происходивших на западных рубежах СССР в 1939–1940 гг., необходимо учитывать весь комплекс международных и внутренних факторов, к числу которых относятся и военно-стратегическое положение стран и территорий, вошедших в состав Третьего рейха и Советского Союза (рис. 4), и национальные интересы населения этих регионов, симпатии трудящихся к СССР, а также неправомерные действия сталинских эмиссаров. Следует учитывать и то, что предпринятые в 1940 г. Советским Союзом попытки договориться с Германией и Италией относительно обеспечения своих интересов в Юго-Восточной Европе закончились неудачей; между тем 26 сентября 1940 г. в столице рейха был подписан Тройственный (Берлинский) пакт между Германией, Италией и Японией, который предусматривал взаимную помощь друг другу при нападении на одну из этих стран какой-либо державы, не участвующей в данное время в войне. Политическая суть пакта заключалась в завоевании мира тремя этими державами и разделе его между ними.

20 ноября 1940 г. к Тройственному пакту присоединилась Венгрия (причем гитлеровская пропаганда преподносила эту акцию как совершенную Венгрией «при сотрудничестве и полном одобрении СССР»; ТАСС 23 ноября опроверг германскую версию). В тот же день находившийся в Берлине глава румынского правительства И.Антонеску подписал протокол о присоединении своей страны к Тройственному пакту. На следующий день примеру Румынии последовала «независимая» Словакия.

Стремясь воспрепятствовать расширению создаваемой Третьим рейхом антисоветской коалиции, правительство СССР 25 ноября предложило Болгарии заключить пакт о взаимной помощи, однако болгарское правительство через пять дней отклонило это предложение¹. 17 января 1941 г. германскому МИД был вручен меморандум о Болгарии и проливах, в котором подчеркивалось, что «Советское правительство... будет рассматривать появление любых иностранных войск на территории Болгарии и в проливах как нарушение интересов безопасности СССР»². Тем не менее 1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Тройственному пакту и дала согласие на ввод войск вермахта на ее территорию. Тем не менее Сталин и его окружение все еще пытались противоборствовать рейху в его политике на Балканах, на этот раз в Югославии, которая 25 марта 1941 г. также присоединилась к Тройственному пакту.

Подобная акция правительства Югославии вызвала в стране взрыв народного возмущения, прокатилась волна митингов и демонстраций протеста, и в ночь на 27 марта был совершен государственный переворот: прогерманское правительство Д.Цветковича было заменено проанглийским правительством Д.Симовича, которое тем не менее не отвергло протокола о присоединении Югославии к Тройственному пакту, хотя и не ратифицировало его. В Берлине это справедливо расценили как антигерманскую акцию, и Гитлер принял решение захватить Югославию, чтобы обезопасить свой балканский фланг перед нападением на СССР. Выступая на совещании с руководящим составом вермахта 27 марта, он заявил, что «если бы правительство страны было свергнуто во время

¹ История дипломатии. М., 1975. Т. 4. С. 154.

² Оглашению подлежит... С. 302.

реализации плана «Барбаросса», то для Германии это имело бы более тяжелые последствия»¹. Он приказал «сделать все приготовления для того, чтобы уничтожить Югославию в военном отношении и как национальную единицу»².

В свою очередь Сталин увидел в государственном перевороте в Белграде возможность укрепить свои позиции на Балканах. 31 марта полпред СССР в Югославии от имени Советского правительства предложил направить в Москву югославскую делегацию для переговоров о заключении договора. На следующий день министр без портфеля в новом югославском правительстве М.Гаврилович уже был в Москве. В беседе с заместителем наркома по иностранным делам А.Я.Вышинским он сообщил о твердой решимости Югославии не присоединяться к Тройственному пакту. Югославская делегация предлагала заключить договор о взаимной помощи, однако советская сторона, опасаясь столь демонстративного антигерманского шага, не пошла на соглашение, связанное с военными обязательствами, и предложила заключить договор о дружбе и ненападении. При этом она не исключала и помощь военными материалами³.

5 апреля в Москве был подписан договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией. Несмотря на отсутствие военных обязательств, это был открытый вызов рейху. Договор предусматривал взаимные обязательства воздерживаться от всякого нападения друг на друга. Если одна из сторон, говорилось в документе, подвергнется нападению со стороны третьего государства, другая договаривающаяся сторона «обязуется соблюдать политику дружественных отношений к ней»⁴. Однако не успели высохнуть чернила на этом договоре, как на рассвете 6 апреля германские войска вторглись в Югославию. Силы были слишком неравны, и 15 апреля югославское правительство капитулировало.

В первый же день агрессии германское посольство в Москве вручило Молотову сообщение, в котором указывалось, что вторжение вермахта в Югославию и Грецию было вынужденным, что действия рейха в этой зоне «направлены исключительно на предотвращение получения Англией еще одного

Рис. 4. Территориальные изменения в Восточной Европе в 1939–1940 гг.

¹ Нюрнбергский процесс: Сборник документов. М., 1946. Т. 4. С. 547.

² История Второй мировой войны. Т. 3. С. 259.

³ Новая и новейшая история. 1989. № 1. С. 13–14.

⁴ Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935–июнь 1941 г.). Отв. ред. Б.Е.Штейн. Сост. А.С.Тисминец. М., 1946. С. 548.

плацдарма на континенте», что германские войска «уйдут с Балкан после выполнения этой задачи». Молотов, как поспешил доложить Шуленбург в Берлин, «несколько раз повторил, что «крайне печально, что несмотря на все усилия, расширение войны таким образом оказалось неизбежным»¹.

Вторжение немцев в Югославию, с которой только что был подписан договор о дружбе и ненападении, явилось последним ударом по советской балканской политике. Сталину стало ясно, что дипломатическое противоборство с Германией проиграно, что отныне господствующий повсеместно в Европе Третий рейх не намерен считаться со своим соседом. Оставалась одна надежда: отодвинуть сроки теперь уже неизбежной германской агрессии, и в апреле-июне 1941 г. советская политика в отношении Германии вступает в новую фазу, весьма напоминавшую западную политику умиротворения агрессора накануне Второй мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. АВП СССР. Ф 048. Оп. 21в. Д. 5. Л. 150–151.
2. Внешняя политика СССР. Сборник документов (1935–июнь 1941 г.). Отв. ред. Б.Е.Штейн. Сост. А.С.Тисминец. М., 1946.
3. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 1.
4. Дризулис А. Памятная записка министра иностранных дел Латвии В.Мунтерса о советско-латвийских переговорах 1939 г. по поводу Пакта о взаимопомощи // Отечественная история. 1992. № 2.
5. Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 г. – август 1940 г. М., 1990.
6. Документы и материалы второй мировой войны. 1937–1939. М., 1981. Т. 1.
7. Золотарев В.А., Орлов А.С. Сокрушение зла. Великие тайны великой войны. М., 2006.
8. История Второй мировой войны 1939–1945. М., 1974.
9. История дипломатии. 2-е изд. М., 1975. Т. 4.
10. История СССР. 1990. № 4.
11. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М., 1956. Т. 1.
12. Новая и новейшая история. 1989. № 1.
13. Новая и новейшая история. 1993. № 3.
14. Новиков В.И. Воспоминания дипломата. Записки 1938–1947. М., 1999.
15. Нюрнбергский процесс: Сборник документов. М., 1946. Т. 4.
16. Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941. М., 1991.
17. Орлов А. Сталин, Гитлер и Суворов // Аргументы и факты. 1995. № 15.
18. Полевой устав РККА (проект). М., 1939.
19. Правда. 1940. 29 июня.
20. Россия XX век. Документы. В двух книгах. М., 1998.
21. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне. М., 1972.
22. Фляйшхауэр И. Пакт: Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939. Пер. с нем. М., 1991.
23. Центральный архив Министерства обороны СССР (ЦАМО). Ф. 15. Оп. 176705. Д. 77. Л. 350–351.
24. Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА). Ф. 33977. Оп. 1. Д. 161. Л. 13.
25. ЦГАСА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 376. Л. 302–305.
26. ЦГАСА. Ф. 33988. Оп. 3. Д. 377. Л. 10–12.
27. ЦГАСА. Ф. 39041. Оп. 6. Д. 3. Л. 63–65.
28. Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991.
29. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. М., 1991. Т.1. С. 548–549.
30. Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP) 1918–1945. Ser. D. Baden-Baden, 1953.
31. Bundes Archiv BRD. Письмо германского посланника в Каунасе в МИД Германии 21 июня 1940 г.
32. Bundes Archiv BRD. Письмо германского посланника в Риге в МИД Германии 21 июня 1940 г.
33. Ciano G. The Ciano Diaries 1939–1943. New York, 1946.
34. Documents on German Foreign Policy (DGFP) 1919–1945. Ser. D. London, 1952.
35. Fall Barbarossa... Dokumente zur Vornereilung der Faschistischen Wehmiacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940/41). Berlin. 1970.
36. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1940. Washington, 1958.
37. Miedzynarodowe tzo agresji Rzeszy Niemickkiej na Polske w 1939 r. Warszawa, 1987.
38. Nazi-Soviet Relation 1939–1940. New York, 1948.
39. PRO. Cab. 65/7. P. 2557.

¹ Оглашению подлежит... С. 316.